

ИМПЛИЦИТНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ИССЛЕДОВАНИЕ В ЗАПАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Г.В. Токарева, Л.Я. Дорфман

Представлен краткий библиографический обзор исследований имплицитных (подсознательных) процессов, выполненный в зарубежной психологии в XIX–XXI веках. Обозначены основные вехи предьстории их выделения в качестве предмета психологического исследования и приведены определения имплицитных процессов. Отражены три обширные области исследований имплицитных процессов: исследование имплицитных когнитивных процессов (памяти, восприятия, мышления, языка, научения); исследование имплицитных социально-когнитивных процессов и имплицитной личности (социальные установки, стереотипы, предубеждения, Я-концепция, самоуважение); исследование имплицитных эмоций. Представлены основания дифференциации этих областей исследования с учетом их источников, валентности и модальности. Обсуждается тема соотношения имплицитных и эксплицитных психологических процессов.

Ключевые слова: имплицитные процессы, когнитивное подсознание и имплицитные когнитивные процессы, имплицитные социально-когнитивные процессы и имплицитная личность, имплицитные эмоции.

Введение

Подсознательные (имплицитные) процессы невидимы сознанию, неясны ему и неконтролируемы им. Тем не менее, эти процессы влияют на мысли, эмоции и поведение.

Точкой отсчета академических исследований подсознательных (имплицитных) процессов можно обозначить вторую половину XIX века. Именно тогда Гельмгольц выдвигает идею о том, что осознаваемое восприятие основывается на неосознаваемых умозаключениях (Лазарев, 1959). На основе наблюдений истерии и гипноза понятие подсознательного мышления развивали П. Жане (Janet, 1901), У. Джеймс (2011), Дорфман (2010).

Еще несколько десятилетий назад вершиной учения о бессознательном считался психоанализ З. Фрейда, одно из главных положений которого постулировало обусловленность сознательной ментальной жизни человека его подсознательным конфликтом, прорывающимся в значительной степени из примитивных сексуальных и агрессивных импульсов (Фрейд, 2007). Однако ситуация приобрела совершенно новый вид благодаря произошедшей в когнитивной психологии в 80-х годах XX века «имплицитной революции», (Barsade, Ramarajan, & Westen, 2009). Через 20 лет после «когнитивной революции», поколебавшей устои поведенческой психологии, внутри самой когнитивной психологии, наря-

ду с традиционным для нее изучением памяти, появляется новая область исследований – изучение ментальных событий под углом зрения их осознания. В частности, были открыты имплицитные психологические процессы, возникающие и существующие за пределами сознания.

Имплицитные когнитивные процессы

Первые эмпирические свидетельства в пользу наличия имплицитных процессов (ИП) были получены на материале исследования памяти (Roediger, 1990; Schacter, 1992; Squire, 1987). Однако вначале им придавалось ограниченное значение. Как отмечает J. Kihlstrom, имплицитные процессы в ранних моделях переработки информации изучались преимущественно на материале кратковременной (оперативной) памяти (Kihlstrom, 1999). Подсознательные процессы определялись также на основании исследования особенностей узнавания в процессах восприятия и их следов, остающихся в долговременной памяти. И в первом, и во втором случае полагалось, что подсознательные ментальные структуры не связаны с «высшими» ментальными процессами и потому не могут производить прямые влияния на осознаваемые переживания, мышление, действие. Однако было установлено, что имплицитная (т. е. неосознаваемая) память отвеча-

ет за множество действий, происходящих в обыденной жизни (Schacter, 1992).

В работе J. Kihlstrom (Kihlstrom, 1999) обозначены 4 направления исследований имплицитных процессов, развивавшихся вначале независимо и соединившиеся впоследствии в общую концепцию подсознательной ментальной жизни.

Первое направление представляет исследование имплицитных процессов как автоматических процессов. Такого рода представление о них возникло на основе различения «автоматических» и «стратегических» ментальных процессов. В частности, J. Kihlstrom следующим образом иллюстрирует автоматические процессы на примере проявлений навыков чтения: люди опознают одни части напечатанного на бумаге письма как буквы, другие части письма – как слова, и декодируют значения слов в контексте окружающих их других слов. Однако при этом люди редко осознают правила, которым они при этом следуют. Научение читать текст (осознаваемый процесс) имеет автоматические последствия (подсознательный процесс). В пользу автоматического характера таких процессов свидетельствует открытый Дж. Струпом эффект интерференции, проявляющийся задержкой времени реакции при прочтении слов, обозначающих какой-либо цвет, но написанных шрифтом другого цвета (Stroop, 1935).

Второе направление представлено нейропсихологическими исследованиями. Исследователи автоматических процессов полагают (по меньшей мере – неявно), что эти процессы доступны осознанию. Однако в настоящее время установлено, что наши переживания, мысли и действия могут находиться под влиянием все-таки неосознаваемого ментального содержания восприятия, памяти, чувств, желаний. Убедительные свидетельства в пользу такого предположения стали накапливаться в 60-е годы XX века, когда когнитивная психология стала обогащаться нейропсихологическими исследованиями когнитивных процессов, и ученые стали получать данные о влиянии подсознательного на поведение пациентов с некоторыми локальными повреждениями мозга.

Третье направление составляют исследования подпорогового восприятия. Они частично пересекаются с исследованиями имплицитной памяти и нейропсихологическими исследованиями имплицитных процессов. Тем не менее, J. Kihlstrom выводит такого ро-

да работы в самостоятельное направление. Подпороговое восприятие возникает в условиях обработки стимулов, имеющих слабую интенсивность либо сверхкороткий период предъявления в условиях помех или маскировки какими-либо альтернативными стимулами. В результате целевой стимул не может восприниматься в режиме его опознавания и осознания. Тем не менее, в имплицитной памяти остаются следы, действие которых в определенной степени прослеживается в восприятии более поздних событий (Draine and Greenwald, 1998). Следовательно, в концептуальном плане подпороговое восприятие должно взаимодействовать с имплицитной памятью.

Подпороговое восприятие также может наблюдаться в случае отсутствия каких-либо аргументов в том, что оно является подсознательным. Так, установлено, что пациенты с повреждением затылочных отделов головного мозга и находящиеся в состоянии «ложной слепоты», могут давать неслучайные оценки визуальных особенностей стимулов, которые они не могут видеть (Weiskrantz, 1995).

По аналогии с имплицитной памятью, отмечает J. Kihlstrom, имплицитное восприятие возникает в тех случаях, когда переживание, мысль или действие вызваны внешним событием в отсутствии или независимо от осознаваемого восприятия (Kihlstrom, 1999). Имплицитная память на события, происходящие в период действия общей анестезии (фактически – при нахождении человека в бессознательном состоянии), также свидетельствует об имплицитном восприятии (Ghoneim & Block, 1997).

В отечественной психологии и психофизиологии феномены исследования подпорогового восприятия имеют длинную историю. Еще в 1863 г. Н. Сулова, сотрудница И.М. Сеченова, наблюдала в эксперименте эффект подпороговых ощущений. Во время Великой Отечественной войны Г.В. Гершуни, изучая страдавших «постконтузионной глухотой» больных с закрытыми травмами головного мозга, полученными вследствие воздушной контузии, обнаружил у них изменение диаметра зрачка при действии звука (так называемый улитко-зрачковый рефлекс, который возникает при сохраненном слухе при действии звуков, интенсивность которых превышает порог слухового ощущения на 25–30 дБ). В условиях же нарушения слуха этот рефлекс возникал при интенсивности

звука на 20–60 дБ ниже порога ощущения. Более поздние исследования Г.В. Гершуни и его сотрудников показали, что субсенсорная область восприятия существует и в норме, а ее пределы для слухового анализатора сильно зависят от функционального состояния человека и имеют диапазон от 5 до 12 дБ (Гершуни, 1947, 1957). Работы других российских авторов (Александров, 2007; Гершуни, Соколов, 1999; Костандов, 1983, 1994; Соколов, 2003, 2010) также свидетельствуют в пользу наличия феномена подпорогового восприятия.

Четвертое направление, согласно J. Kihlstrom, составляют исследования когнитивных и поведенческих эффектов, вызванных гипнотическим воздействием (Kihlstrom, 1999). Речь идет о неосознаваемых изменениях в восприятии, памяти, контроле над действиями людей, находящихся в состоянии гипноза или о постгипнотических эффектах. Еще У. Джеймс (James, 1892/1980) признавал, что многие феномены гипноза (в частности феномены восприятия, памяти, мышления, действия) говорят о том, что они могут не осознаваться и возникать, следовательно, за пределами сознания. В публикации J. Kihlstrom приводятся соответствующие эмпирические свидетельства. Так, описывается эксперимент, в ходе которого находящимся в состоянии гипноза участникам исследования предъявлялся для запоминания список из 15 слов в сопровождении внушения того, что после выхода из гипнотического состояния они не смогут вспомнить эти слова. Гипнабельные участники, сразу после эксперимента смогли вспомнить в среднем лишь одно слово из 15, а после окончания действия постгипнотической амнезии они вспоминали весь список из 15 слов. При этом у негипнабельных участников эксперимента постгипнотическая амнезия не наблюдалась (Kihlstrom, 1999).

Еще одним свидетельством о действии бессознательного в состоянии гипноза являются примеры поведения в постгипнотический период участников исследований, которым внушалось выполнение определенных действий в гипнотическом состоянии (Kihlstrom, 1999). Испытуемые не помнили внушенных им в период гипноза воздействий и не осознавали, почему они ведут себя в соответствии с ними. Полагается, что постгипнотические эффекты представляют собой особые случаи действия имплицитной памяти.

Кроме того, J.F. Kihlstrom обратил внимание на наличие эмпирических данных, сви-

детельствующих о существовании обширной области имплицитных процессов: имплицитное восприятие, имплицитная память, имплицитное научение, имплицитное мышление, имплицитные условия применения правил языка, которые он объединил общим понятием «когнитивное подсознание» (Kihlstrom, 1990, 1998/1999).

Имплицитные социально-когнитивные процессы и имплицитная личность

Впервые тема имплицитных процессов впервые появилась в западной психологии, пожалуй, еще вне когнитивной психологии. Так, в 1954 г. J.S. Bruner and R. Tagiuri предложили теорию имплицитной личности, которую в последствии расширили D.M. Wegner and R.R. Vallacher, введя само понятие «имплицитная психология» (Bruner and Tagiuri, 1954; Wegner and Vallacher, 1977). В то же время R.E. Nisbett & T.D. Wilson и другие зарубежные исследователи придерживались точки зрения, что опора психологии на вербальные самоотчеты недостаточно оправдана, поскольку интроспекция не обеспечивает должный доступ к пониманию причин поведения, поскольку истинная природа их не осознается и скрыта от интроспекции (Nisbett & Wilson, 1977).

До недавнего времени социальное поведение трактовалось как полностью находящееся под осознаваемым контролем. Однако в последние годы появились убедительные эмпирические свидетельства того, что социальное поведение может иметь имплицитные, или подсознательные корни. Была предложена модель для определения специфических категорий имплицитных (подсознательных) когнитивных (Greenwald & Banaj, 1995), в которой выделяется конструкт (например, аттитюд), обозначаемый *C*, и находящиеся под его влиянием категории ответов (например, оценочные суждения объектов), обозначаемые *R*. При этом имплицитное *C* как след прошлого опыта, опосредующий *R* интроспективно либо не определяется совсем, либо определяется неточно. В той степени, в которой имплицитные (подсознательные) когнитивные процессы отличаются от эксплицитных когнитивных процессов (осознаваемых и определяющихся, например, с помощью самоотчетов), прямые показатели имплицитных когнитивных (предполагающие прямую интроспекцию), неадекватны. Скорее, изучение имплицитных когнитивных требует не прямых измерений, скрываю-

щих от участников как истинный предмет исследования, так и не требующих от них касающихся его самоотчетов. Для анализа имплицитных социально-когнитивных процессов предлагается в качестве базового принципа применять принцип ложных атрибуций, согласно которому неосознаваемый прошлый опыт влияет на суждения о целевых (заданных) объектах (Greenwald & Banaj, 1995).

Многие авторы (Banaji, Hardin, & Rothman, 1993; Banaji & Greenwald, 1994, 1995; Greenwald, 1990; Jacoby, Lindsay & Toth, 1992; Kihlstrom, 1990; Roediger, 1990; Schacter, 1992 и др.) отмечают, что ключевой особенностью имплицитных социально-когнитивных процессов является то, что прошлый опыт влияет на текущие суждения и оценки в режиме, при котором соответствующие влияния прошлого опыта выпадают из области памяти, становятся доступными для самоотчетов и интроспекции, не известными для действующего лица. Такого рода эффекты убедительно установлены, в частности, для социальных установок (аттитюдов), стереотипов, предубеждений, Я-концепции, самоуважения (Greenwald et al., 2002, 2006; Kihlstrom et al., 2000).

Классическая социальная психология исходит из того, что аттитюды представляют собой осознаваемые ментальные диспозиции, то есть люди осознают свои аттитюды. Например, люди осознают, что они против ядерных испытаний, или выступают за женские права, или имеют предубеждения против каких-то социальных групп и их членов. Поэтому обычно аттитюды определяются по самоотчетам. Однако при этом аттитюды и стереотипы могут иметь также имплицитный характер (Greenwald & Banaj, 1995), то есть влиять на социальное поведение подсознательно, минуя область сознания. Другими словами, эксплицитные аттитюды осознаются, имплицитные аттитюды, наоборот, не осознаются (Kihlstrom et al., 2000). Поэтому первые доступны сознательной рефлексии, а вторые рефлексии не доступны и потому требуют иных, чем вербальные самоотчеты, способов определения.

Особенности имплицитных аттитюдов состоят в том, во-первых, что их активация происходит с большой скоростью, и их произвольное осознание невозможно (Bargh, 1994; Fazio, 1993). Во-вторых, их активация инициируется подпороговыми стимулами, которые опять-таки не осознаются (Greenwald, Klinger & Liu, 1989). В результате аттитюд, активиро-

ванный одним объектом, может ложно приписываться другому объекту.

В исследованиях феноменов стереотипизации также было обнаружено, что они могут возникать имплицитно, без осознания их источников, влияний на суждения и оценки или контролировать стереотипы (Banaji & Greenwald, 1995; Banaji, Hardin & Rothman, 1993). Считается, что феномены стереотипизации содержат два механизма, связанные с автоматическими и контролирующими процессами. При этом автоматические процессы проявляются в том, в какой степени подсознание влияет на осознание, интенциональность, адекватность суждений об объектах и контроль за оценками (Bargh, 1994; Banaji, Hardin & Rothman, 1993). Экспериментально было показано, что гендерные стереотипы могут оперировать в автоматическом режиме, о чем свидетельствует характер ответов на заданные слова (второй стимул), следующие после предъявления конгруэнтных с гендером слов (а именно: более быстрые ответы, чем на первые стимулы – слова, с гендером не конгруэнтные). Этот эффект возникал почти всегда, несмотря на попытки участников исследования игнорировать влияния первых стимулов. При этом было не важно, осознавали они или не осознавали отношения между вторыми и первыми стимулами на предмет их нагруженности гендерной семантикой (Banaji & Hardin, 1996), Banaji, Hardin & Rothman, 1993).

Нечто подобное наблюдается и при исследовании с самоотношением (Greenwald et al., 2002; Seligman, 1991; Steele, 1988). Было установлено, что самоотношение подсознательно проецируется и распространяется на другие объекты. Однако до сих пор существует необходимость в разработке специальных процедур и показателей для прямых измерений имплицитных аспектов самоуважения.

Предложена единая (интегративная) теорию имплицитного социально-психологического познания, предлагающая рассмотреть в единстве наиболее важные социально-когнитивные конструкты: относящиеся к аффективным конструктам аттитюды и стереотипы, а также Я-концепцию и самоуважение как примеры когнитивных конструктов (Greenwald et al., 2002). При этом во внимание принимались эксплицитные и имплицитные компоненты всех конструктов. В структуре социально-психологического познания Я-концепции отводится центральная роль в силу ее тесной связи с другими социально-

психологическими феноменами, а самоуважение трактуется как атрибут Я-концепции, причем как имеющее позитивную валентность образование. Аттитуод и стереотип определяют как соответственно обладающую и не обладающую валентностью ассоциацию с объектом или социальной группой. Полученные эмпирические данные свидетельствовали о том, что все эти конструкты взаимосвязаны на имплицитном, но не взаимосвязаны на эксплицитном уровне, и не прослеживаются в вербальных самоотчетах.

ИмPLICITНЫЕ эмоциональные процессы

Вопрос о том, могут ли люди не осознавать свои эмоциональные состояния, казалось бы, отражает внутреннее противоречие в отношении содержания понятия имплицитных эмоций: эмоции должны чувствоваться, и эмоциональное чувство, согласно любому принятому в науке определению, представляет собой осознаваемое переживание. В самом деле, некоторые авторы отвергают имплицитные эмоции на том основании, что признание самого факта их существования противоречит пониманию фундаментальной роли сознания в определении эмоций (Clore, 1994; LeDoux, 1994; Zajonc, 1994). Между тем, разрешение данного противоречия зависит от того, как определяются эмоции: если как осознаваемое переживание, то неосознаваемым эмоциям не остается места; если определять их иначе, то для исследования открывается область именно имплицитных эмоций (Kihlstrom et al., 2000).

Понятие «имплицитные эмоции» имеет несколько взаимозаменяемых значений. Поскольку под имплицитными подразумеваются подсознательные процессы, активируемые или подвергаемые обработке за пределами сознания и в силу этого не осознаваемые, то термины «эмоции», «эмоциональные процессы», «эмоциональные состояния», «аффект», «чувство» используются для данного контекста синонимично. Применительно к имплицитным эмоциям такое расширительное толкование эмоций (без дифференциации их на отдельные классы) оправдано, поскольку подсознательные эмоции выпадают из области осознаваемых переживаний и нуждаются в иной, чем для осознаваемых переживаний, классификации (Barsade, Ramarajan & Westen, 2009; Kihlstrom et al., 2000).

Постановке вопроса об имплицитных эмоциях как самостоятельной категории зару-

бежной психологии предшествует проблема взаимной зависимости – независимости когнитивных и эмоциональных процессов. Если исходить из того, что эмоция представляет собой специфическую разновидность когнитивных оценок (Arnold, 1960, 1970; Frijda, 1986; Lazarus, 1991), то имплицитные эмоциональные процессы, в принципе, нужно включать в класс имплицитных когнитивных процессов. Если опираться на предложенный R.B. Zajonc подход к исследованию эмоций, основанный на признании независимости эмоций от когниций, объясняемой тем, что эмоции функционируют в ином, чем когнитивные процессы, режиме, то следует признать, что эмоции имеют «не-информационное» происхождение (Zajonc, 1980, 2000). Другими словами, в то время как когниции представляют собой трансформации и переработку информации, эмоции трансформируют «физическую и химическую» энергию, кодируются и перерабатываются в системах тела, но не всегда трансформируются в семантическое содержание и часто кодируются, к примеру, в висцеральных и моторных символах. Теория эмоций R.B. Zajonc, следовательно, является висцеральной и эфферентной, в которой по определению полагается, что эмоции имеют подсознательный характер.

Описывается попытка R.B. Zajonc отделить подсознательные эмоциональные процессы от подсознательных когнитивных процессов, рассматривая подпороговые предьявления эмоциональных стимулов и их влияния на поведение как очевидные свидетельства наличия имплицитных эмоций. По происхождению эмоции возникают некогнитивно и подсознательно, при этом имплицитными признаются лишь причины эмоций, а вызванная же какими-либо причинами переживаемая эмоция полагается как осознаваемая. Таким образом, теория R.B. Zajonc может служить предпосылкой постановки вопроса о признании имплицитных эмоций как самостоятельной, независимой от когниций, категории психологии.

В этой связи обращают на себя внимание попытки различения имплицитных «холодных» (когнитивных, оценочных) стимулов от «горячих» имплицитных стимулов (некогнитивных, эмоциональных) путем их обособления по оси «вербальная эмоциональная индукция» – «невербальная эмоциональная индукция». В публикации P. Winkielman (2010) приведены данные об результатах выполнен-

ного M.J. Starr, P. Winkielman and K. Gogolushko (2008) исследования, в котором было установлено, что подпороговое предъявление эмоциональных лицевых экспрессий («невербальная эмоциональная индукция») влияло на потребительское поведение, при том, что на такое поведение не влияло подпороговое предъявление слов эмоционального содержания («вербальная эмоциональная индукция»).

Истоки исследований имплицитных эмоций восходят, с одной стороны, к изучению когнитивного бессознательного в русле когнитивной психологии, и, с другой стороны, к системным (интегративным) теориям эмоций. «Революция» в когнитивной психологии в 60-е годы XX века началась с рассмотрения когнитивных процессов как «холодных», осознаваемых и произвольных. В середине 1970-х гг. эти представления сменились двумя новыми тенденциями. С одной стороны, как уже выше отмечалось, начали изучаться феномены когнитивного бессознательного (в частности, автоматических процессов и имплицитной памяти). Роль этого направления оказалась настолько велика, что некоторые авторы обозначили полученные в его рамках результаты как «имплицитная революция» (Barsade, Ramarajan & Drew Westen, 2009). С другой стороны, под влиянием достижений психологии личности, социальной и клинической психологии исследования когнитивных процессов распространились также на «горячие» процессы, например, эмоции и мотивы и их влияния на память и другие когнитивные процессы. Эта тенденция очевидно свидетельствует об «аффективной революции», благодаря которой эмоциональная жизнь изучается как имеющая собственные особенности, а не только как продукт когнитивной обработки информации (Kihlstrom et al., 2000). До недавнего времени внимание исследователей сосредоточивалось на изучении осознаваемых чувств. Однако в настоящее время начинают больше изучать имплицитные (подсознательные) эмоциональные процессы, которые, помимо описанного выше, влияют на мышление, поведение и осознаваемые эмоциональные переживания (Barsade, Ramarajan & D. Drew Westen, 2009).

Включение исследования имплицитных эмоций в рамках когнитивной психологии имеет несколько предпосылок. Одной из них являются представления об имплицитных компонентах аттитюдов, изучение которых на стыке психологии личности и социальной

психологии выполнили A.G. Greenwald and M.R. Banaji. Эмоции не только являются ядром социальных аттитюдов, но в них выражается знак предрасположенности к людям, группам, организациям по параметрам, имеющим аффективные коннотации: «приятие – неприятие», «нравится – не нравится», «позитивное – негативное отношение» и т. п. (Greenwald and M.R. Banaji, 1995; Kihlstrom et al., 2000). При этом предлагается различать в имплицитных эмоциях два разных аспекта. С одной стороны, люди могут не осознавать содержания восприятий, памяти, мышления, вызывающих те или иные эмоции. В этом случае эмоции служат имплицитным выражением восприятия, памяти, мышления, научения. С другой стороны, люди могут осознавать то, что они воспринимают, запоминают, мыслят, но не осознавать эмоции, вызываемые этими когнициями. В этом случае поведенческие и физиологические изменения служат имплицитным выражением эмоций (Kihlstrom et al., 2000).

Концептуально в пользу существования имплицитных эмоций свидетельствует и полисистемная теория эмоций P.J. Lang, согласно которой структура эмоций складывается из нескольких компонентов. Вербально-когнитивный компонент соответствует уровню переживаемых и осознаваемых эмоций (например, переживанию страха). Поведенческий компонент соответствует уровню внешних моторных действий (например, избегание угрозы). Физиологический компонент соответствует уровню функционирования вегетативной нервной системы (например, кожное электрическое сопротивление или сердечный ритм). Существенно, что P.J. Lang рассматривает эти компоненты как относительно независимые, но взаимодействующие системы. Переживание (и осознание) эмоций и эмоциональная (физиологическая) активация имеют некоторые степени свободы в части особенностей их функционирования вне зависимости друг от друга (Lang, 1988).

В публикациях S. Rachman and R. Hodgson; и S. Rachman расхождения в функционировании разных систем эмоций были обозначены как десинхрония (диссоциация), а их согласованные функционирования – как синхрония (Rachman and Hodgson, 1974; Rachman, 1990). Суть десинхронии состоит в том, что эмоциональные ответы могут иметь место на различных уровнях, например, десинхронии между поведенческими и физио-

логическими компонентами эмоций (Lang, 1988; Rachman, 1990). Так, в состоянии страха или тревоги поведение избегания может не затрагивать физиологическую эмоциональную активацию, что было названо синдромом «панической атаки без переживания страха», при котором человек показывает соответствующие страху физиологические изменения, но не переживает страх как таковой. С другой стороны, могут наблюдаться противоположные эффекты: рост физиологической эмоциональной активации без действий, направленных на избегание угрозы. В исследовании J.F. Kihlstrom et al. отражен факт отсутствия переживания и осознания эмоций (субъективный компонент) на фоне наличия поведенческих и физиологических компонентов эмоций (феномен имплицитных эмоций, Kihlstrom et al., 2000).

Еще одна линия работ в пользу имплицитных эмоций затрагивает тему их классификации. В публикации S.G. Barsade, L. Ramarajan & D. Drew Westen предложено различать 3 категории применительно к имплицитным эмоциям: имплицитные источники эмоций, имплицитные переживания эмоций, имплицитные регуляции эмоций (Barsade, Ramarajan & Drew Westen, 2009). Сущность первой категории состоит в том, что эмоция осознается, но не осознается ее источник или влияние этого источника (и как следствие, имплицитной эмоции в целом) на когнитивные процессы, мотивы и поведение. Вторую категорию образуют эмоциональные переживания, которые не осознаются, но влияют на когнитивные процессы, мотивы и поведение. В третью категорию входят регуляции эмоций (защита себя от негативных эмоций или смещение внимания на усиление позитивных эмоций), которые не осознаются, но их имплицитный характер влияет на когнитивные процессы, мотивы и поведение.

Имплицитные эмоциональные процессы изучались в лабораторных экспериментах и были получены свидетельства в пользу их наличия, показывающие, что осознаваемые (эксплицитные) и подсознательные (имплицитные) эмоции функционируют в параллельном режиме, по отдельности влияя на когнитивные процессы, мотивы и поведение (Zelazo, Moscovitch & Thompson, 2007).

До недавнего времени исследования имплицитных эмоций ограничивались учетом их валентности (позитивные – негативные имплицитные эмоции). К примеру, P. Winkielman, K.C. Berridge and J. Wilbarger обнаружи-

ли, что на поведение влияет валентность имплицитных эмоций, а в публикации P. Winkielman содержится утверждение, что к настоящему времени получены исчерпывающие свидетельства в пользу наличия и дифференциации имплицитных эмоций на позитивные и негативные (Winkielman, Berridge and Wilbarger, 2005; Winkielman, 2010). Обсуждается вопрос о том, существуют ли специфические, категориально разные (например, страх, гнев, отвращение, печаль, радость, стыд, вина или гордость) имплицитные эмоции (Winkielman, 2010). Однако R.B. Zajonc, например, высказывает сомнение в наличии такой возможности (Zajonc, 1998), аргументируя такое мнение тем, что эмоции разных модальностей требуют когнитивной дифференциации (особенно социальные эмоции (чувства), например, вина или стыд). Вместе с тем, базовые эмоции, присущие не только людям, но и низшим живым существам, также модально специфичны (Winkielman, 2010). Поэтому аргумент о когнитивной дифференциации как противосвидетельстве возможности существования разных по модальности имплицитных эмоций следует отвергнуть.

Пионерами эмпирических исследований имплицитных эмоций, разных по модальности, являются Y. Zinbarg-Ruggero, J.R. Bettman and G.J. Fitzsimons. Их исследование основывалось на 3 условиях, которые учитывались при исследовании имплицитных вины и печали. Во-первых, изучаемые имплицитные специфические эмоции должны относиться к одной валентности, но производить разные эффекты на поведение, что позволяет отделить влияние на поведение разных по модальности эмоций от такого рода влияний эмоций, разных по валентности. Во-вторых, действие специфических эмоций ожидается тогда, когда они не осознаются. В-третьих, следует показать, что люди не могут дать отчетливый ответ на вопрос о различиях между их имплицитными эмоциями (как по их валентности, так и по их модальности). В качестве результатов таких влияний рассматривались поведенческие проявления самоконтроля. Установлено, что вина и печаль, предъявляемые участникам исследования в режиме подпорогового восприятия, по разному влияли на самоконтроль. Вина, особенно в связи с высоким уровнем склонности к ней (индивидуальная характеристика), имплицитно способствовала росту самоконтроля. Печаль независимо от уровня склонности к ней имплицитно способствовала снижению

выраженности самоконтроля. Кроме того, получены косвенные данные о том, что имплицитные вина и печаль могут регулировать имплицитные цели поведения, а последние производят эффекты на выраженность самоконтроля. Вышеизложенное позволило сделать вывод о том, что мотивационный фактор опосредует влияния имплицитных эмоций вины и печали на поведение (Zemack-Rugar, Bettman and Fitzsimons, 2007).

Заключение

В настоящее время нет никаких серьезных сомнений в том, что имплицитные процессы действительно существуют. Вклады в эту новую и научно обоснованную реальность в зарубежной психологии внесли психология личности, социальная психология, клиническая психология, нейропсихология, когнитивная психология. При этом основное внимание уделялось влиянию имплицитных процессов на осознание когнитивных процессов, черт личности, поведения. Однако при этом отмечается ряд новых проблем.

Изучение характера отношений имплицитных и эксплицитных процессов требует продолжения. Во многих отношениях остается пока открытой проблема интеграции имплицитных процессов и ее пределов.

Важными представляются исследования возможности переходов эксплицитных процессов в имплицитные. Требуют своего изучения функционирование имплицитных и эксплицитных процессов не только в последовательном, но и параллельном режиме.

Разрозненный и фрагментарный характер исследований имплицитных процессов может быть преодолен. Так, ориентация на дифференциацию имплицитных процессов на когнитивные, социально-психологические, личностные, эмоциональные позволяет выявлять их специфическое своеобразие, но требуется определить характер их соотносительности между собой, существование у них какой-либо общей основы? Отдельного внимания заслуживает тема изучения продолжительности имплицитных процессов, которые в лабораторных условиях обычно изучаются за относительно короткие интервалы времени.

Литература/References

1. Александров Ю.И. (ред.). Основы психофизиологии. СПб.: Питер, 2007. 463 с. [Alexandrov Yu.I. (Ed.) (2007). *Osnovy*

psikhofiziologii. (Basics Psychophysiology), St. Petersburg, Piter Publ. 463 p.]

2. Гершуни Г. В. Изучение субсенсорных реакций при деятельности органов чувств // Физиологический журнал СССР, 1947. Т. 33. 393–412. [Gershuni G.V. (1947). *Izuchenie sub-sensornykh reaktsiy pri deyatelnosti organov chuvstv* [Exploring Subsensory Reactions at Activities of Sense Organs]. *Fiziologicheskii zhurnal SSSR* [Physiological Journal of the USSR], vol.33, 393–12.]

3. Гершуни Г. В. Общие результаты исследования деятельности звукового анализатора человека при помощи разных реакций. Журнал высшей нервной деятельности, 1957. Т. 7, Вып. 1. 13–23. [Gershuni G.V. (1957). *Obshchie rezul'taty issledovaniya deyatelnosti zvukovogo analizatora cheloveka pri pomoshchi raznykh reaktsiy* [General Results of the Research Activities of the Human Auditory Analyzer Using Different Reactions]. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatelnosti* [Journal of Higher Nervous Activity], vol. 7, iss. 1, 13–23.]

4. Гершуни Г. В., Соколов Е. Н. Объективное измерение чувствительности и субсенсорная ее область. Психология ощущений и восприятия; под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимова, М.Б. Михалевской. М.: ЧеРо, 1999. 250–255. [Gershuni G.V., Sokolov E.N. (1999). *Ob'ektivnoe izmerenie chuvstvitel'nosti i subsensornaya ee oblast'* [Objective Measurement of the Sensitivity and its Subsensor Area]. *Psikhologiya oshchushcheniy i vospriyatiya* Psychology of Sensation and Perception, Moscow, CheRo Publ., 250–255.]

5. Джеймс У. Психология. М.: Академический проект, 2011. 318 с. [James W. Psychology. (Russ. ed.: James W. (2011). *Psikhologiya*. Moscow, 318 p.)]

6. Дорфман Л.Я. Поток сознания и метаиндивидуальный мир как предпосылки креативности. Современные исследования творчества: к 90-летию Я. А. Пономарева; науч. ред. Л. Я. Дорфман, Д. В. Ушаков. Пермь: Пермский гос. ин-т искусства и культуры; М.: Институт психологии РАН, 2010. 19–59. [Dorfman L.Ya. (2010). *Potok soznaniya i metaindividual'nyy mir kak predposylki kreativnosti* [Stream of Consciousness and the Meta-individuality World as a Prerequisite Creativity]. *Sovremennyye issledovaniya tvorchestva: k 90-letiyu Ya. A. Ponomareva - Modern Studies of Creativity: the 90th Anniversary of I. Ponomarev*, Perm, Moscow, 19–59.]

7. Костандов Э.А. Функциональная асимметрия полушарий мозга и неосознаваемое восприятие. М.: Наука, 1983. 170 с. [Kostandov E.A. (1983). *Funktsional'naya asimmetriya polushariy mozga i neosoznavaemoe vospriyatie* (Functional asymmetry of the cerebral hemispheres and unconscious perception), Moscow, Nauka Publ., 170 p.]
8. Костандов Э.А. Зависимость неосознаваемого восприятия от доминирующей мотивации и эмоции. Вестник Санкт-Петербургского университета, 1994. Сер. 3. Биология. Вып. 2. 103–115. [Kostandov E. A. (1994). Zavisimost' neosoznavaемого vospriyat'ya ot dominiruyushchey motivatsii i emotsii [Dependence of the Unconscious Perception of Dominant Motivation and Emotion]. *Vestnik Sankt-Peterburskogo universiteta, Ser. 3. Biologiya - Vestnik St. Petersburg University. Series 3. Biology*, iss.2, 103–115.]
9. Лазарев П.П. Гельмгольц. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 103 с. [Lazarev P.P. (1959) Helmholtz. Moscow, 103 p.]
10. Соколов Е.Н. Восприятие и условный рефлекс: новый взгляд. М.: УМК «Психология», 2003. 287 с. [Sokolov E. N. (2003). *Vospriyat'ie i uslovnyy refleks: novyy vzglyad* [Perception and the Conditioned Reflex: a New Look], Moscow, 287 p.]
11. Соколов Е.Н. Очерки по психофизиологии сознания. М.: Изд-во МГУ, 2010. 255 с. [Sokolov E.N. (2010). *Ocherki po psikhofiziologii soznaniya* [Essays on the Psychophysiology of Consciousness], Moscow, 255 p.]
12. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: АСТ, 2007. 608 с. [Freud S. (2007). *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious], Moscow, AST Publ., 608 p.]
13. Arnold M.B. (1960). *Emotion and personality. Vol. I: Psychological aspects*. New York: Columbia University Press.
14. Arnold M.B. (1970). Perennial problems in the field of emotion. In M. B. Arnold (Ed.), *Feelings and emotions: The Loyola symposium* (pp. 169–185). New York: Academic Press.
15. Banaji M.R., & Greenwald A.G. (1994). Implicit stereotyping and unconscious prejudice. In M.P. Zanna & J.M. Olson (Eds.), *The psychology of prejudice, The Ontario Symposium* (Vol. 7, pp. 55–76). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
16. Banaji M.R., & Greenwald A.G. (1995). Implicit gender stereotyping in judgments of fame. *Journal of Personality and Social Psychology*, 68, 2, 181–198.
17. Banaji M.R., & Hardin C.D. (1996). Automatic stereotyping. *Psychological science*, 7, 3, 136–141.
18. Banaji, M.R., Hardin C., & Rothman A.J. (1993). Implicit stereotyping in person judgment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 65, 272–281.
19. Bargh J.A. (1994). The four horsemen of automaticity: Awareness, intention, efficiency, and control in social cognition. In R. S. Wyer, Jr., & T. K. Srull (Eds.), *Handbook of social cognition* (2nd ed., Vol. 1, pp. 1–40). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
20. Barsade S.G., Ramarajan L., & Westen D. (2009). Implicit affect in organizations. *Research in Organizational Behavior*, 29, 135–162.
21. Bruner J.S., & Tagiuri R. (1954). The perception of people. In G. Lindzey (Ed.), *Handbook of social psychology* (Vol. 2, pp. 634–654). Reading, MA: Addison-Wesley.
22. Clore G.L. (1994). Why emotions are never unconscious. In P. Ekman & R. J. Davidson (Eds.), *The nature of emotion: Fundamental questions* (pp. 285–290). New York: Oxford University Press.
23. Draine S.C., & Greenwald A.G. (1998). Replicable unconscious semantic priming. *Journal of Experimental Psychology: General*, 127, 286–303.
24. Fazio R.H. (1993). Variability in the likelihood of automatic attitude activation: Data re-analysis and commentary on the paper by Bargh, Chaiken, Govender, and Pratto. *Journal of Personality and Social Psychology*, 64, 753–758.
25. Frijda N. (1986). *The emotions. Studies in emotion and social interaction*. New York: Cambridge University Press.
26. Ghoneim M.M., & Block R.I. (1997). Learning and memory during general anesthesia: An update. *Anesthesiology*, 87, 387–410.
27. Greenwald A.G. (1990). What cognitive representations underlie social attitudes. *Bulletin of the Psychonomic Society*, 28, 254–260.
28. Greenwald A.G., & Banaji M.R. (1995). Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes. *Psychological Review*, 102(1), 4–27.
29. Greenwald A.G., Banaji M., Rudnam L., Farnham S., Nosek B.A., & Mellott D. (2002). A unified theory of implicit attitudes, stereotypes, self-esteem, and self-concept. *Psychological Review*, 109, 3–25.

30. Greenwald A.G., Klinge M.R., & Li T.J. (1989). Unconscious processing of dichoptically masked words. *Memory and Cognition*, 17, 35–47.
31. Greenwald A.G., Rudman L.A., Nosek B.A., & Zayas V. (2006). Why so little faith? A reply to Blanton and Jaccard's (2006) skeptical view of testing pure multiplicative theories. *Psychological Review*, 113, 170–180.
32. Greenwald A.G., Nosek B.A., & Sriram N. (2006). Consequential validity of the Implicit Association Test: Comment on Blanton and Jaccard (2006). *American Psychologist*, 61, 56–61.
33. Jacoby L.L., Lindsay D.S., & Toth J.P. (1992). Unconscious influences revealed: Attention, awareness, and control. *American Psychologist*, 47, 802–809.
34. James W. (1892/1980). *Psychology: Briefer course*. Cambridge, Ma.: Harvard University Press.
35. Janet P. (1901). Le sommeil et des états hypnoïdes. *Annuaire du Collège de France*, 1, 26–27.
36. Kihlstrom J.F. (1990). The psychological unconscious. In L. A. Pervin (Ed.), *Handbook of personality: Theory and research* (pp. 445–464). New York: Guilford Press.
37. Kihlstrom J.F. (1998/1999). Conscious and unconscious cognition. In R.J. Sternberg (Ed.), *The concept of cognition* (pp. 173–203). Cambridge, Ma.: MIT Press.
38. Kihlstrom J.F. (1999). The rediscovery of the unconscious. *The annual meeting of the American Psychological Association*, Boston. Full text available at: <http://socrates.berkeley.edu/~kihlstrm/ampa99.htm>.
39. Kihlstrom J.F., Mulvaney S., Tobias B.A., & Tobis, I. P. (2000). The emotional unconscious. In E. Eich, J.F. Kihlstrom, G.H. Bower, J.P. Forgas, & P.M. Niedenthal (Eds.), *Cognition and emotion* (pp. 30–86). New York, NY: Oxford University Press.
40. Lang P.J. (1988). What are the data of emotion? In V. Hamilton, G.H. Bower, & N.H. Frijda (Eds.), *Cognitive perspectives on emotion and motivation* (pp. 173–181). NATO ASI Series D: Behavioural and Social Sciences. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer.
41. Lazarus, R.S. (1991). *Emotion and adaptation*. New York, NY: Oxford University Press.
42. LeDoux J. (1994). Emotional processing, but not emotions, can occur unconsciously. In P. Ekman & R. J. Davidson (Eds.), *The nature of emotion: Fundamental questions* (pp. 291–292). New York: Oxford University Press.
43. Nisbett R.E., & Wilson T.D. (1977). Telling more than we can know: Verbal reports on mental processes. *Psychological Review*, 84, 231–259.
44. Rachman S. (1990). *Fear and courage*. 2nd ed. New York: Freeman.
45. Rachman S., & Hodgson R. (1974). I. Synchrony and desynchrony in measures of fear. *Behaviour Research & Therapy*, 12, 311–318.
46. Roediger H.L. (1990). Implicit memory: Retention without remembering. *American Psychologist*, 45, 1043–1056.
47. Seligman M.E.P. (1991). *Learned optimism*. New York: Knopf.
48. Schacter D.L. (1992). Understanding implicit memory: A cognitive neuroscience approach. *American Psychologist*, 47(4), 559–569.
49. Squire L.R. (1987). *Memory and brain*. New York: Oxford University Press.
50. Starr M.J., Winkielman P., & Gogolushko K. (2008). *Influence of affective pictures and words on consumption behavior and facial expressions*. Poster presented at Society for Psychophysiological Research, Austin, TX.
51. Steele C.M. (1988). The psychology of self-affirmation: Sustaining the integrity of the self. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 21, pp. 261–302). New York: Academic Press.
52. Stroop J.R. (1935). Studies of interference in serial verbal reactions. *Journal of Experimental Psychology*, 18 (6), 643–662.
53. Wegner D.M., & Vallacher R.R. (1977). *Implicit psychology*. New York: Oxford.
54. Weiskrantz L. (1995). Blindsight: Not an island unto itself. *Current Directions in Psychological Science*, 4, 146–151.
55. Winkielman P. (2010). Bob Zajonc and the unconscious emotion. *Emotion Review*, 2, 4, 353–362.
56. Winkielman P., Berridge K.C., & Wilbarger J. (2005). Unconscious affective reactions to masked happy versus angry faces influence consumption behavior and judgments of value. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1, 121–135.
57. Zajonc R.B. (1980). Feeling and thinking: Preferences need no inferences. *American Psychologist*, 35, 151–175.
58. Zajonc R.B. (1994). Evidence for non-conscious emotions. In P. Ekman & R.J. Davidson (Eds.), *The nature of emotion: Fundamental questions* (pp. 293–297). New York: Oxford University Press.

59. Zajonc R.B. (1998). Emotions. In D.T. Gilbert, S.T. Fiske & G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology* (4 ed., Vol. 2, pp. 591–632). Boston, MA: McGraw-Hill.

60. Zajonc R.B. (2000). Feeling and thinking: Closing the debate over the independence of affect. In J.P. Forgas (Ed.), *Feeling and thinking: The role of affect in social cognition* (pp. 31–58). New York: Cambridge University Press.

61. Zelazo P.D., Moscovitch M., & Thompson E. (2007). *The Cambridge handbook of consciousness*. New York: Cambridge University Press.

62. Zemack-Rugar Y., Bettman J.R., & Fitzsimons G.J. (2007). The effects of nonconsciously priming emotion concepts on behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 93, 927–939.

Токарева Галина Викторовна, доцент кафедры психологии и педагогики, Пермская государственная академия искусства и культуры, tokareva_gv@mail.ru

Дорфман Леонид Яковлевич, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики, Пермская государственная академия искусства и культуры, dorfman07@yandex.ru

Поступила в редакцию 5 февраля 2014 г.

Bulletin of the South Ural State University
Series "Psychology"
2014, vol. 7, no. 1, pp. 17–27

INVESTIGATIONS OF IMPLICIT PROCESSES IN WESTERN PSYCHOLOGY

G.V. Tokareva, Perm State Academy of Art and Culture, Perm, Russian Federation, tokareva_gv@mail.ru

L.Ya. Dorfman, Perm State Academy of Art and Culture, Perm, Russian Federation, dorfman07@yandex.ru

It is yielded a brief review of studies concerned with implicit (unconscious) processes in Western psychology. Basic points of their prehistory are marked. The definition of implicit processes is outlined. It is emphasized three broad topics in which researchers examine implicit processes. First ones are implicit processes, such as memory, perception, thinking, language, and learning. Second are implicit social-cognitive processes and implicit personality, such as social attitudes, stereotyping, prejudice, Self-conception, and Self-esteem. Third are implicit emotions. They are discriminated on lines of implicit sources of affect, implicit experiencing of affect and implicit regulation of affect. Besides, valenced emotions, as well as specific, equally valenced emotions remain inaccessible to conscious awareness, and still differentially affect behavior. Relationships between implicit and explicit processes are discussed as well.

Keywords: implicit processes, cognitive unconscious and implicit cognitive processes, implicit social-cognitive processes, implicit personality and Self-conception, implicit emotion.

Received 5 February 2014